

ГАСТРОЛИ УЛАН-УДЭНСКОГО РУССКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА

...НЕ ТЕРПЯТ СУЕТЫ

ЭТИ ЗАМЕТКИ — попытка по свежим следам обобщить впечатления о восьмидесяти спектаклях, которые показали наши соседи.

Афиша театра достаточно пестра, чтобы можно было осмелиться лишь по ней, до просмотра спектаклей, опраделить художественные пристрастия улан-удэнцев, направление их творческих поисков. Но при этом афиша пробуждала любопытство, как и в каком сопряжении скажутся на сцене произведения авторов известных, уже синкавших авторитет, авторов малоизвестных.

Теперь, когда знакомство состоялось, можно уже без обиняков сказать, что соседство в гастрольном репертуаре столь разных пьес не скреплено единой идейно-художественной платформой. Хотя выбор без сомнения делался сознательно, с явным подчинением одной задаче.

Какая же она?

Отвечает в одном случае обращение театра к заведомо слабому, художественно несостоятельному драматургическому материалу, как пьесы «Королева тюльпанов» Ю. Мокраева, «Последний допрос» С. Родионова, «В графе «отец» — прочерк И. Лазутина. В другом — особенностью сценической интерпретации таких известных произведений, как «Характеры» В. Шукшина, «Красавец-мужчина» А. Островского, «Даши хлоплют» М. Фермо.

Заметна приверженность театра и семейно-бытовой тематике, крайне сузившей выход к масштабным проблемам современности. Было бы известным лицемерием вопрошать, чем соблазнила улан-удэнский театр фальшивая история воинствующей цветочной спекулянтки, гордо именующей себя «королевой тюльпанов». Правда, не стоило заслуженной артистке БАССР М. Черновой тратить столько пороку на разоблачение жизненного кредо своей героини и усугублять авторскую дурновкусию малопочтенными трюками. Ибо пьеса эта из числа тех, о которых белкинский уничтожительно говорил, что они начиняются «припичкой любовью и оманчивою законным браком». Как не стоило и актрисе А. Борисовой «драть в ключах страсть», дабы убедить зрителя в потайном благородстве уголовной преступницы Матрены Рукоткиной, которая, оказываясь, воровала для того, чтобы взять на воспитание ребенка из детдома; и темперамент актрисы, и щедрость красок — всепусто.

Криминальная повесть «Последний допрос» Родионова как и «В графе «отец» — прочерк Лазутина не столько ставят нравственно-эстетические вопросы, сколько компрометируют их. Даже усилия постановочной группы во главе с режиссером А. Шаликовым придать значимость и вес повествованию о душевных стра-

даниях подростка, выросшего из-за легкомыслия матери без отца, не спасает положения. Воспитательная ценность таких спонтаней изначально сведена к минимуму беспомощности драмы.

Драматургические подделки такого рода принято считать «кассовыми», то есть охотно посещаемыми. Должно быть, театр не обманулся в своем расчете на это, коль скоро чатыра года не расстается с «Королевой тюльпанов».

По высокому качеству драматургии, казалось бы, никак нельзя подвергать к этому же ряду три других упомянутых спектакля.

Действительно, в этом случае ни постановщикам, ни артистам не приходится идти на компромисс с художественной совестью. Однако не хочется понаму-то торопиться с признанием безоговорочного успеха спектаклей «Красавец-мужчина» (режиссер Н. Логачев), «Характеры» и «Даши хлоплют» (режиссер З. Внуков), каждый из которых в целом породавал интересными актерскими работами. С видимым удовольствием играют в этих

спектаклях заслуженная артистка РСФСР, народная артистка БАССР К. Никулина, народные артисты Бурятия Г. Шелкова и Л. Панков, заслуженные артисты БАССР Е. Путилов, А. Карасев, Л. Арзипова, С. Паниов, И. Юзевич, Л. Богданова, Н. Захаринина, А. Чернова и Н. Мирославченко... Можно только позавидовать труппе, столь богатой актерскими индивидуальностями! И вместе с тем подосаждать, что так нерачительна режиссура в их использовании. Ведь вся актерская энергия была направлена постановщиками по ложному руслу: во что бы то ни стало развеселить зрителя. Парфиды Островского выхолащивают опереточным диверсификатором. Рассказы Шукшина обернулись комическими анекдотами, а драматическая, по сути, коллизия душевного разобщения и обесценности идеалов в пьесе Фермо снята утированностью комедийных ситуаций. Если и прорываются в трактатке отдельные авторы ноты глубокой, созвучные авторам, то вопреки режиссерскому замыслу, а не благодаря ему. Как-то не так «спела» театр песню, с сожалением отмечаешь, пере-

фразируя слова шукшинского персонажа, — как песня была торшаша...». Принимает ли зритель эти спектакли? Да, И, несмотря на явную потрошность против акцуса и меры, подчас даже горячо принимает. Тогда не слишком ли мы придирчивы в своих оценках? Почему публики снисходительны к тому, о чем мы судим столь строго? Что ж, во-первых, зрители невольно попадают под обаяние актерской самоотдачи. А во-вторых, как давно замечено, «не всегда проваливается актер — иногда проваливается и публики» (М. Рейнгардт).

Если в одном случае справлялись сделать театру упрек в сниженности критериев при выборе пьес, то в другом умалостию напомнить самокритичное наблюдение советского режиссера М. Рехельса: «Заставить зрителя плакать, смеяться, аплодировать — мы лучше или хуже, но умеем. Заставить зрителя думать мыслить, сопоставлять — мы только учимся». Но когда постановщики намерены либо в силу беспомощности избежать такой сложной задачи, то искусство театральное отмечает, пере-

водит до уровня простого развлекательства.

Однако художника, — а театр и есть коллективный художник, — принято судить по его высшим достижениям. На спектакле «Материнское поле» Ч. Айтматова (о нем газета уже подробно писала) мы увидели словно бы другой театр, голос которого зазвучал в полную драматическую силу, с подлинно гражданской страстностью. Примечательно, что именно в этом спектакле, одухотворенном большой идеей, удалась, наконец, театру привести в единую знаменательную все компоненты сценического произведения, когда и актерский ансамбль, и декорации, и костюмы, и музыкальное оформление, и свет «работали в согласии друг с другом».

В середине гастролей улан-удэнцы показали еще одну премьеру, и она свидетельствует об укреплении позиций того «второго» театра, с которым мы познакомились на спектакле «Материнское поле». На чем базируется наша уверенность в этом? Зрители не знают, да и не обязаны знать, что гастроль республиканского театра со-

вместе с болезненным процессом смены творческого руководства коллектива. Они вправе судить привязанные спектакли без скидок на то, является ли данный репертуар наследием прежнего главного режиссера или выражением творческих симпатий сегодняшнего художественного руководителя. В любом случае театр не освобождается от ответственности за то, что именно сцену нужным и возможным показать на гастрольном экзамене. Пока что, как видим, негативные моменты с «кроем и театру коммерческому» ощутимо дают знать о себе, и мы искренне порадуемся, если вновь назначенному главному режиссеру И. Д. Сибирскому удастся круто повернуть театр на иные рельсы.

Для своего дебюта в коллективе И. Сибирский остановился на пьесе К. Симонова «Так и будет», которая, по-видимому, привлекла остро недостающей в сегодняшней драматургии цельностью, силой и благородством натуры героя и возможностью обратиться к актуальной до сих пор теме Великой Отечественной войны. Постановщиком руководило стремление увлечь зрителей высоким накалом мыслей и чувств, вызвать и заставить еще раз пережить благородную память о тех, кому мы обязаны счастьем сегодняшнего дня.

Зрители не знают, да и не обязаны знать, что гастроль республиканского театра со-

спонтаней на этой ноте зазвучала и ею уже поддается. Напоминание о том, что война — антипод человеческого счастья, прозвучало в нем отчетливо. Но следует оговориться, не вдаваясь в подробный анализ достижений и просчетов премьеры, что достаточной художественной убедительности режиссерский замысел почти не обрел. Соприставление ему оказывается сам материал пьесы. Написанная в 1944 году, в последние военные лето, она исполнена мажорного предощущения скорой победы над врагом и как бы «репатрирует» возвращающего славного героя, полковника Савельева к мирной жизни. Всю войну савер Савельев отважно ходил рядом со смертью, у него погибла семья. И уже казалось ему, что не оживет павшей души, но жизнь приготовила ему великий возрождающий дар любви, и финал симоновской пьесы звучит оптимистично.

Режиссер предложил другой вариант: Савельев гибнет, как погиб и его реальный прототип. Но ходом спектакля это не подготовлено и потому воспринимается натажкой, искусственной драматизацией.

Тем не менее, спектакль по пьесе К. Симонова укрепляет фундамент для постройки нового, масштабного репертуара, единственно достойного высокой миссии театра.